

Из Парижа в Ярославль через Байкал

ВЕЧЕР ПРИ СВЕЧАХ

Обстановка располагала, прямо скажем, больше к интиму, чем к работе. На креслах в малом зале клуба «Винил» лежали расшитые подушки, светильник под высокими потолками брезжил, как в полдень апрельское солнышко сквозь облака. Но горели свечи! Живой огонь очень подходил к событию, которое его устроитель, директор регионального агентства творческих инициатив, кандидат искусствоведения Юлия Кривцова назвала словом из лексикона академических музыкантов – «камерное».

Выпускница наших провинциального колледжа и педуниверситета, в конце 90-х годов – автор «Северного края», а теперь корреспондент столичной газеты «Первое сентября», номинант премий «Дебют» и «Национальный бестселлер», победитель конкурса имени Юрия Козакова в 2006 году Наталья Ключарёва встречалась со своими самыми пристрастными читателями – однокашниками и друзьями этих однокашников по колледжу и вузу.

Наталья читала свою новую прозу. Начала с эссе о Париже. Оттуда, с гоголевской конференции, только что вернулась.

Сразу же условилась с читателями: для неё «это город для глаз», настроений, а не смыслов, «о нём хорошо петь или насвистывать, или барабанить пальцами по столику кафе». Её до слёз тронули парижские парки. В Люксембургском саду яблоки – каждое! – упакованы от заморозков в бумажный мешочек. Женщины ездят на велосипедах в ажурных чулках, в туфлях на высоком каблучке.

Главное, знаете, что надо не забыть сделать: глаза включить. Включаем и видим замечательные стоп-кадры. Вот цапля влетает в луч прожектора, направленного на Эйфелеву башню, «летит над головами разноязыкой толпы медленная синяя птица». В готических храмах нам хочется «схватиться за что-нибудь неподвижное». Пол плывёт из-под ног, едва поднимаешь взгляд под эти своды, «похожие на бесконечное каменное эхо». Ещё шаг, и «всё поворачивается как калейдоскоп».

Париж, – ведёт Наталья нас дальше по городу, – это кружева и кружение. Но больше всего «кружат голову взгляды», те самые, от каких всё делается красивым. Люди здесь смотрят друг на друга так, что «женщина до глубокой старости остаётся женщиной, мужчина – мужчиной». Для Натальи, а теперь и для нас тоже, Париж – «это город людей, которым нравится быть вместе».

Очерк – с вопросом вместо

Выходила, гуляла до вечера. Снова садилась в поезд, ночевала там вместо гостиницы. А утром отправлялась дальше. В этом дальнем вояже со многими пересадками мы оценили этот её счастливый дар – увидеть, пережить и передать читателю, здесь и сейчас, «чудо настоящего момента».

Мы видим её глазами мыльные пузыри, невесть откуда взявшиеся в костромской чебуречной, крошечные коло-

целителем и пророком. В войну бабы со всей округи приходили к нему, спрашивали про мужей на фронте. Говорят, ни разу не ошибся.

Вот так, не выходя из зала со свечами, и вернулись мы в Ярославль из Парижа хитрым ключарёвским маршрутом через Байкал и Москву. Литературные посиделки по старой дружбе задавали вопросы, попроще и на засыпку. Взять на испуг Наталью не удалось

Фото из семейного архива.

заключительной точки. Наталья задавала его себе во Франции тысячу раз: почему они могут, а мы нет? Окончательного ответа и она не нашла, есть только догадка: может, всё дело в любви, «может быть нам просто любви не хватает?»

С этим вопросом вместо ответа мы в тот вечер и «возвращаемся» домой из Парижа. Сперва в её любимый Питер. Хотя одно из самых заветных состояний души для Натальи «не ехать туда, а думать о нём». Кому повезло, ощутил вместе с автором это похожее на полёт во сне движение по зимнему Санкт-Петербургу. Не тому, «что снаружи, а тому, что внутри». После зимнего Питера для Натальи всегда наступает весна, «а, может быть, даже счастье».

Летом Ключарёва ездила на поездах от Москвы до Байкала. Останавливалась, рассказывает, в каждом городе.

кольчики, что продаются в магазине «Рыболов» на главной площади Ростова. Такое чудо для неё – и подслушанное в деревенском автобусе слово «рейка» (вместо обиходного «рейка»), и рассказ рыбака Вовы о том, как по льду Рыбинского моря на него летел корабль-призрак с прозрачными парусами.

А ещё всей компанией заглянули мы в родной город Натальи Пермь, где в сквере перед оперным театром засиженный птицами Ильич вглядывается в столетние липы, в ивановскую глубинку, где кажется, что осеннее серое небо можно потрогать руками. Успели ещё завернуть в Костромское заволжье, в Кологрив – на родину художника и философа, ученика Репина, Ефима Честякова – его первыми красками были тёртые цветные камушки с берегов речки Унжи. В памяти народной остался этот человек

никому. Почему уехала из Ярославля? Почувствовала что «горизонтов не хватает», вот и уехала. Как допустила, что в книжной версии романа «Россия, общий вагон» сокращена сцена, когда её герой, улыбочивый и впечатлительный студент Никита, даёт пощёчину... первому лицу государства? Да потому что уступила непримиримым издателям, во спасение самого текста.

Чего в жизни боится больше всего? Не чего, а кого – саму себя иногда побаивается. Зачем вообще пишет? «Чтобы увидеть в глазах читателей надежду, её так мало в нашей жизни...»

И последний вопрос: что у неё на рабочем столе сейчас? Рукопись будущего сборника очерков. Первыми слушателями некоторых из них и стали её собеседники на клубном вечере при свечах.

Юлиан НАДЕЖДИН.